

УЧЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВА Л. И. ПЕТРАЖИЦКОГО И В СОВРЕМЕННОЙ АНТРОПОЛОГИИ ПРАВА

В. И. ПАВЛОВ*

В статье анализируется антрополого-правовой потенциал психологической теории права Л. И. Петражицкого. В психологической теории права впервые был поставлен вопрос о человекомерности права. Л. И. Петражицкий подвергнул критике современные ему теории субъекта права, однако не предложил альтернативную теорию субъекта права в качестве практико-ориентированного правового языка и юридического средства. Его задачей было прежде всего преодолеть формальный юридизм, догматическое правовое представление и приблизиться к пониманию того, как право не формально, догматически, а фактически отражается в правовом сознании субъекта и что в действительности обуславливает правовое поведение человека. Сопоставление подхода Л. И. Петражицкого и современной антропологии права показывает, что хотя петербургский правовед и поместил право в область субъективности, в область человеческой психики, однако сделал это без обращения к понятию личности и ее проявлениям в праве. Он полагал, что юридическая личность, субъект права целиком выражается в эмоциональной сфере, сфере переживания и считал это достаточным для выяснения того, как право работает на самом деле. Однако отказавшись от личности как антропологического понятия, ученый оставил в стороне и такие традиционные антропологические категории, как воля, свобода, ответственность, а также отказался от использования понятия ценности в своей правовой теории, чем создал риск ценностного нивелирования права. Поэтому в статье делается вывод, что теория Л. И. Петражицкого все же не была антропологией права в том смысле, в котором ее в общетеоретическом правоведении рассматривают сегодня. В статье также анализируются две современные правовые концепции, развивающие идеи Л. И. Петражицкого, — коммуникативная теория права А. В. Полякова и социально-конструктивистский подход Н. В. Разуваева.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право, психологическая теория права, антропология права, субъект права, личность, эмоция, ценность, нормативность.

Павлов Вадим Иванович,
канд. юрид. наук, доц.,
Академия Министерства
внутренних дел Республики
Беларусь

* Vadim I. Pavlov — PhD in Law, Associate Professor, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus.

E-mail: vadim_pavlov@tut.by

© Павлов В. И., 2017

УДК 340.111.5

PAVLOV V.I. THE DOCTRINE OF THE PERSON IN THE PSYCHOLOGICAL CONCEPT OF LAW OF LEON PETRAŽYCKI AND IN THE MODERN ANTHROPOLOGY OF LAW

The article analyzes the anthropological and legal potential of L. I. Petrażycki's psychological theory of law. The question of the "human dimension of law" was raised by the psychological theory for the first time. L. I. Petrażycki criticized theories of the subject of law modern at that time, however, he did not propose any alternative theory of the subject of law as a practice-oriented legal language and legal tool. L. I. Petrażycki's main task was to overcome the formal juridism, dogmatic legal ideas and to come closer to the understanding of how the law is actually reflected in the legal consciousness of the subject and what actually determines the legal behavior of a person. The comparison of L. I. Petrażycki's approach and modern anthropology of law shows that although L. I. Petrażycki placed the law in the field of subjectivity, in the field of human psychics, he did this without reference to the concept of a personality and its manifestations in the law. L. I. Petrażycki believed that the legal personality, the subject of law is entirely expressed in the emotional sphere, the sphere of experience, and considered it sufficient to clarify how the law actually works. However, abandoning the personality as an anthropological concept, the scientist left aside such traditional anthropological categories as will, freedom, responsibility, as well as refused to use the concept of a value in his legal theory, thus creating the risk of axiological leveling of the law. Therefore, the article concludes that L. I. Petrażycki's theory was not the anthropology of law as it is considered today within the general theoretical jurisprudence. The article also analyzes two modern legal concepts developing L. I. Petrażycki's ideas, namely the communicative theory of law of A. V. Polyakov and the social and constructivist approach of N. V. Razuvaev.

KEYWORDS: law, psychological theory of law, anthropology of law, subject of law, personality, emotion, value, normativity.

Введение. Правовое учение Л. И. Петражицкого вошло в историю правовой мысли как оригинальная психологическая теория права, обратившая внимание мировой юриспруденции рубежа XIX–XX вв. на значение человека в праве. Правоведом был радикально поставлен вопрос о способе существования права, его топологии, природе в контексте учения о человеческой психике, в контексте восприятия правовых явлений человеческим сознанием. Можно сказать, что Л. И. Петражицкий осуществил своего рода антропологический поворот в общетеоретической правовой науке начала XX столетия, дал перспективное методологическое указание для исследования права под углом его человекомерности на протяжении всего столетия.

В связи с этим особый интерес представляет анализ воззрений петербургского правоведа с антрополого-правовых позиций. Можно ли говорить о том, что Л. И. Петражицкий помимо сугубо психологической составляющей правового учения о человеке выразил и некий общий антропологический взгляд на право, создал антропологию права? Насколько в его работах было переосмыслено учение о человеке в праве? Отдельный интерес представляет и вопрос модификации Л. И. Петражицким теории субъекта права, субъекта правоотношения, которая дает возможность оценить антропологическое содержание его теории.

1. Как известно, ключевым моментом психологической концепции Л. И. Петражицкого стало формулирование положения о фактическом тождестве права и психики, о помещении права в область человеческого сознания. Сознание ученый понимал в основном как сферу внутреннего отражения различного рода эмоций и «фантазмов», проявляющуюся в форме правовых и нравственных переживаний. Право, по Л. И. Петражицкому, и есть сам процесс переживания обязательно-притязательного, императивно-атрибутивного типа в отличие от переживания сугубо императивного типа, представляющего собой нравственность, хотя в целом и первый, и второй тип переживаний правовед считал нравственными по своей природе¹. Источник нормативности правового, императивно-атрибутивного переживания, т. е. источник обязывания и притязания, — это не какой-либо внешний фактор (государство, правопорядок, естественные права человека и т. д.), а сами авторитет и долг как интеллектуальные «фантазмы», данности сознания, переживаемые человеком и воспринимаемые в качестве таковых относительно определенного нормативного факта. Поэтому право есть не внешнее явление, а явление сознания. «Некоторые нормы, — отмечает правовед, — устанавливают свободные по отношению к другим обязанности, авторитетно предписывают нам известное поведение, но не дают другим никакого притязания на исполнение, никаких прав — односторонне обязательные, беспритязательные, чисто императивные нормы... Другие нормы, устанавливая обязанности для одних, закрепляют эти обязанности за другими, дают им права, притязания, так, что по этим нормам то, к чему обязаны одни, причитается, следует другим как нечто им должное, авторитетно им предоставленное, за ними закрепленное (*attributum*) — обязательно-притязательные, императивно-атрибутивные нормы»².

2. В учении о субъекте права (правоотношения), а также в иных разделах своей теории Л. И. Петражицкий начинает с положения, согласно которому подлинный юридический анализ согласно психологической теории должен быть обращен не к внешнему миру, миру явлений в пространстве права, а к психике индивида, переживающего правовые явления³. Оценивая современные ему теории субъектов права, ученый говорит: «То, что теперь [в современной ему правовой науке] излагается в качестве общего учения о субъектах, лишь по недоразумению принимается за таковое, а на самом деле представляет (неудачную) догматику современного официального права»⁴.

Анализируя нормы средневекового права, правовед находит в них подтверждение своей идеи о проекционной природе субъекта права. Субъектность в концепции Л. И. Петражицкого обуславливается не теорией лица как юридической личности, правовой персоны, берущей начало еще

¹ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 58–63.

² Там же. С. 64.

³ Там же. С. 326.

⁴ Там же. С. 332.

в эпоху римской юриспруденции, а теорией психического переживания лицом тех или иных нормативных фактов, влекущих возникновение у него права/обязанности. Поэтому субъект — это не тот, кому официальным правом приписываются права и обязанности, не тот, кто наделяется правом и дееспособностью, а *то* или *что*, которое вызывает, создает эмоциональную императивно-атрибутивную реакцию в сознании лица. «Реальный феномен, — говорит Л. И. Петражицкий, — имеется не там, где он кажется наличным, а единственно в психике того, кто приписывает обязанности. Если сами дьяволы, духи убитых медведей, слонов и т. д. существуют не где-то в пространстве, а в психике суверенного человека, то ясно, что и обязанности таких субъектов не находятся где-то вне психики переживающего подлежащие психические процессы, и то же относится к правам, к нормам права о честном исполнении договоров и т. д., “обращающимся” и к дьяволам и проч.»⁵.

Казалось бы, обращение правоведа к примитивным нормам древнего права является наивным методологическим шагом, однако такой натурализм в психологической теории права достаточно последователен. Л. И. Петражицкий скрупулезно применяет методы самонаблюдения, внутреннего и внешнего наблюдения, которые и позволяют фактически переместить право в область сознания⁶. Правовед полагает, что если древние евреи воспринимали повеления Иеговы как правовую обязанность, то, следовательно, Он — Господь Бог — и выступал реальным субъектом права⁷. Критикуя господствовавшие в начале XX столетия теории субъектов права, Л. И. Петражицкий говорит: «Такие субъекты, как камни, колесницы, животные, подвергавшиеся уголовным судам и наказаниям по средневековому и иным правам, не менее поучительны для разных других общих теорий права, например, теории общей воли, общего убеждения, общего признания... для теорий свободы, теорий защиты или разграничения интересов и т. п., а равно для существующих теорий норм как обращении единой воли к другой, для существующих теорий обязанностей и прав — эти субъекты являются камнями преткновения»⁸.

Следуя такой же логике, петербургский правовед включает в учение о субъекте и интуитивное, а также неофициальное право, в результате чего поле субъектности расширяется и практически утрачивает границы. В связи с этим в психологической теории возникает риск, во-первых, признать в качестве субъекта права практически любой фрагмент наличной реальности, во-вторых, отождествить субъект вменения права или обязанности с нормативным фактом.

Последователен Л. И. Петражицкий и относительно учения о юридических лицах. Ученый полагает, что ни теория фикции, ни теория лица, ни какая-либо иная теория юридического лица не удовлетворяет требованиям психологической концепции права. Реально то, что переживаемо

⁵ Там же. С. 329.

⁶ Там же. С. 330.

⁷ Там же. С. 327.

⁸ Там же. С. 328.

в сознании, поэтому если человек имеет какое-либо юридическое дело с организацией, то именно организация («магазин», «типография»), а не конкретное физическое лицо — ее представитель, выступают в психике в качестве субъекта права⁹.

На главный вопрос о том, *кто* или *что* может быть субъектом правоотношений, обязанностей и прав, Л. И. Петражицкий дает следующий ответ: «Субъектными представлениями в области правовой психики могут быть всевозможные представления персонального, личного характера; поскольку с этими представлениями ассоциируются правовые эмоции и другие представления, объектные и т. д. так, что подлежащему представляемому приписываются права и обязанности, *предметы этих представлений являются субъектами права* (курсив мой. — В. П.)»¹⁰. Иными словами, повторим еще раз, субъект есть *кто* или *что*, фактически представляемое в сознании лица. Действительно, далее правовед указывает на все многообразие таких субъектов права: «Подлежащих (представляемых) существ сообразно богатству и причудливости человеческой фантазии необозримое множество... камни, растения и проч., животные и их духи, люди, их зародыши, их духи после смерти, человеческие (представляемые) общества и учреждения, разные божества и иные бестелесные духи»¹¹.

3. В чем же состояли замысел и подлинные причины разработки такого учения о субъекте права в концепции петербургского правоведа, ведь, следуя своим методологическим установкам и зачисляя в число субъектов права объекты неразвитого натуралистического юридического мышления древних, он рисковал быть, мягко говоря, непонятым в среде современных ему правоведов? Полагаем, что Л. И. Петражицкий прекрасно это понимал, но, строго придерживаясь психологического взгляда на правовые явления, он пытался преодолеть формальный юрицизм, догматическое правовое представление и приблизиться к пониманию того, как право не формально, догматически, а фактически, как непосредственная данность, отражается в правовом сознании и что в действительности обуславливает правовое поведение человека. Именно поэтому оправданно вслед за А. В. Поляковым, Е. В. Тимошиной и другими современными исследователями творчества петербургского правоведа отнести психологическое учение к неклассическим либо даже к постнеклассическим правовым теориям.

Вместе с тем возникает вопрос о том, насколько оправдан был такой психологический реализм относительно как учения о субъекте права, так и права в целом. Ведь очевидно, что идеи Л. И. Петражицкого, в частности о субъекте права, в их инструментальном значении оказались невостребованными в правовой науке XX в. Дойти до сути того или иного правового явления на уровне правового мышления еще не означает возможности операционализировать это открытие на уровне правовой действительности. Полагаем, что с подобной проблемой сталкивается сегодня и пост-

⁹ Там же. С. 333.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

классическая антропология права, равно как и постклассическое правоведение в целом. Множество верных идей и наблюдений, теоретических обобщений и концептуальных положений с трудом поддаются операционализации, превращению в форму рабочего аппарата права, пригодного для его применения на уровне юридической практики. У права есть свои гносеологические возможности и границы, поэтому всегда есть соблазн, так присущий именно русскому юридическому мышлению, вынести существование всех правовых явлений за пределы формального юрицизма.

Современная идея «смерти субъекта», «антропологического поворота» и «возвращения человека» касается, на наш взгляд, и учения о субъекте права. Здесь есть что-то общее с самим подходом Л. И. Петражицкого в плане максимально приближенного, почти натурального, неюридизированного представления о человеке в праве с той лишь разницей, что у петербургского правоведа на вооружении была современная ему эмоционалистская психология, у современных же правоведов — фундаментальная онтология, экзистенциализм, коммуникативная теория, социальный конструктивизм и т. д. Л. И. Петражицкий разрабатывал свою концепцию в эпоху подъема интеллектуальной культуры в России начала XX в., современная же правовая мысль испытывает влияние двух мировых войн, распада СССР, кризиса ценностей, идентичности в Европе и т. д.

В современной антропологии права — в частности в подходе, разрабатываемом автором настоящей статьи¹², в трудах многочисленных представителей антропологического и в целом постклассического направления в праве¹³ — актуальны мотивы личностного измерения правовой реальности. При сопоставлении подхода Л. И. Петражицкого и современной антропологии права бросается в глаза то обстоятельство, что хотя петербургский правовец и перенес право в область субъективности, в область человеческой психики, однако он сделал это без обращения к понятию *личности* и ее проявлений в праве. Л. И. Петражицкий полагал, что юридическая личность, субъект права целиком выражается в эмоциональной сфере, сфере переживания — и этого достаточно для выяснения того, как право работает на самом деле. Однако отказавшись от личности как антропологического понятия, вместе с ним ученый оставил в стороне и такие традиционные антропологические категории, как воля, свобода, ответственность и др. Могут ли эмоциональность, сам процесс переживания правовых явлений в методологическом отношении компенсировать в его учении отсутствие личностных свойств? Л. И. Петражицкий, сосредоточив-

¹² Павлов В. И.: 1) К вопросу об антропологическом типе правопонимания // Известия вузов. Правоведение. 2015. № 4. С. 71–97; 2) Антропологическая концепция права // Постклассическая онтология права: монография / под общ. ред. И. Л. Честнова. СПб., 2016. С. 325–376; 3) Проблемы теории государства и права: учеб. пособие. Минск, 2017.

¹³ Этические и антропологические характеристики современного права в ситуации методологического плюрализма: сб. науч. трудов / под общ. ред. В. И. Павлова, А. Л. Савенка. Минск, 2015; Постклассическая онтология права: монография / под общ. ред. И. Л. Честнова. СПб., 2016.

шись на процессе переживания права, считал, что могут, мы же позволим себе в этом усомниться.

Теория Л. И. Петражицкого не была антропологией права в том смысле, в котором ее в общетеоретическом правоведении рассматривают сегодня. Современные антрополого-правовые воззрения исходят из ситуации «возвращения человека» в правовую реальность наряду с субъектностью или поверх нее. В разработанном нами «Аналитическом словаре основных терминов и понятий антропологической концепции права»¹⁴ человекомерность как принцип познания правовой реальности предполагает представление права и правовой реальности только в связи с существующим и действующим в ней человеком¹⁵. Сам принцип человекомерности права обеспечивает представление правовой реальности в перспективе антропологической переориентации всех правовых, по преимуществу институционально оформленных правовых явлений, при которых антропологический элемент уже схватывается не в субъектной, а в человекомерной перспективе. Человекомерность позволяет методологически концентрироваться на личностных структурах человека в праве, прежде всего на личностной конституции, практике существования, личностных ценностях, в целом на юридически значимых свойствах личности, а также их месте в аспекте разворачивания различных юридических конструкций и т. д. Конечно, есть в характеристике человекомерности и психологический компонент, однако, на наш взгляд, он не является первичным и далек от его трактовки в духе позитивистской психологической установки.

Полагаем, что в современной антропологии права традиционные юридически значимые антропологические понятия и свойства личности, в частности свобода, воля, ответственность, нравственность (ценность) и вытекающая из нее справедливость, сохраняют свою валидность. Психологизм не может заменить эти антропологические процессы, лежащие в области личностной онтологии, а не в области психологии.

Например, антропологическое понятие воли (Л. И. Петражицкий, как известно, критиковал теорию общей воли¹⁶ и волевую теорию субъекта как таковую) — это одно из центральных антропологических понятий и главный критерий проявления свободы личности — свободы не в узкоюридическом, а в антропологическом смысле. Воля есть свойство природы человека, и именно в волевой сфере и через нее применительно к праву обнаруживаются те или иные модели поведения, правомерные или противоправные. Воля формируется не эмоциями и переживаниями как строго детерминированными реакциями, а областью внутреннего свободного движения лица, на которое оказывает влияние, опять же, не та или иная эмоция, «фантазм», а общий строй личности и ее субъективности, то, что мы называем практикой правового существования, правовой субъекти-

¹⁴ Павлов В. И. Аналитический словарь основных терминов и понятий антропологической концепции права // Павлов В. И. Проблемы теории государства и права: учеб. пособие. Минск, 2017. С. 243–263.

¹⁵ Там же. С. 246.

¹⁶ Петражицкий Л. И. Теория права и государства... С. 232–241.

вазии. Самое главное, что через проявление воли в право привносится аксиологический компонент, в праве возникает ценностное измерение на уровне личного и межличностного (интерсубъективного) правового существования. Психологические реакции же — лишь механика, орудие волеизъявления и не более того. Иными словами, для антрополого-правовой точки зрения человекомерность отыскивается не через психику, а через личность. Личность же можно представить как несводимую к природе, свободную, сознательную, открытую, творческую, уникальную, целостную (в смысле как неделимости, так и нерушимой идентичности) онтологическую основу человека, определяющую способ бытия его индивидуализированной природы¹⁷.

Автор психологической теории права ориентировался не на понятие воли, а на понятие эмоции. Видимо, это произошло не без влияния современных ему позитивистских психологических представлений (В. Вундт), на что обратила внимание Е. В. Тимошина¹⁸. В связи с этим любое поведение он пытался объяснить своего рода детерминизмом эмоциональных процессов — именно в этом автор усматривал научность и объективность своей теории. Однако, на наш взгляд, в этом положении Л. И. Петражицкий недооценил волю и связанную с ней свободу личности именно как антропологические свойства.

Нельзя не заметить и то, что концепция Л. И. Петражицкого, несмотря на свой человекоцентристский — в части психических переживаний — характер по сравнению с традиционными общеправовыми теориями его времени, привносила и иные методологические трансформации. Так, А. В. Поляков верно замечает, что «Петражицкий в своей теории заменяет понятие ценности понятием эмоции. Поскольку ценности “значат”, они не обладают бытием, не существуют как реальность, а следовательно, исключаются мыслителем из научного анализа»¹⁹. Иными словами, Л. И. Петражицкий выступает как психологический реалист, он не делает различия между правовой реальностью и переживанием, на что не раз указывалось в литературе. Е. В. Тимошина отмечает, что практически все — и дореволюционные, и современные — правоведы характеризуют психологическую концепцию права как основанную именно на позитивистской методологии²⁰. Позитивизм, а точнее, натурализм психологической теории заключался в очищении правовой реальности от всякого ценностного привкуса в пользу «объективного метода научной психологии». В связи с этим можно сказать, что Л. И. Петражицкий, указывая на не-реальное, по его словам, существование долженствования как такового — ведь реальным ученый признает только моторные раздражения человеческой материи, психики, — открывает возможность для неявного *нивелирования*

¹⁷ Павлов В. И. Аналитический словарь... С. 251.

¹⁸ Тимошина Е. В. Как возможна теория права? Эпистемологические основания теории права в интерпретации Л. И. Петражицкого: монография. М., 2012. С. 242.

¹⁹ Козлихин И. Ю., Поляков А. В., Тимошина Е. В. История политических и правовых учений: учебник. СПб., 2007. С. 743.

²⁰ Тимошина Е. В. Как возможна теория права?.. С. 239–241.

ценности права. Автор психологической теории рассуждает так: «Реально существуют только переживания этических моторных возбуждений в связи с представлениями известного поведения, например, лжи и т. п., и некоторыми иными представлениями тех субъектов, о поведении которых идет речь... в силу же эмоциональной проекции переживающему такие процессы кажется, что где-то, как бы в высшем пространстве над людьми имеется и царствует соответствующее категорическое и строгое веление или запрещение, например, запрет лжи, а те, к которым такие веления и запрещения представляются обращенными, находятся в особом состоянии связанности, обязанности (курсив мой. — В. П.)»²¹. Очевидно, что долженствование как таковое есть для ученого всего лишь продукт эмоциональной проекции, «фантазм»²². В связи с этим практически все концепции правопонимания, находящие источник долженствования вне психики человека, подпадают под критику мыслителя. Это такие источники, как естественное право (природа), общая воля, разум, государство, правопорядок и др. «Тенденция приписывания наделяния людей правами существам и силам высшего порядка, — говорит Л. И. Петражицкий, — неуклонно действовала и действует и в науке, в философии и правоведении. По разным системам общей и правовой метафизической философии роль существ высшего порядка, наделяющих людей правами, исполняют: “Природа” в пантеистическом смысле единого высшего существа (отсюда выражения “естественные права”, природой установленные, прирожденные права человека и гражданина и т. п.), мировая “Воля” или “Общая воля” в метафизическом смысле какой-то самодовлеющей высшей силы, отличной от эмпирической воли человеческих индивидов, “Разум” в метафизическом смысле и т. п. Точно так же для объяснения происхождения прав привлекается “народный дух”, “совокупная воля” народа или община (*Gemeinschaft*) и т. п. фиктивные вещи. Особенно большую роль в современном правоведении и государствоведении в качестве существа высшего порядка, распоряжающегося правами, наделяющего по своему усмотрению одних обязанностями, других правами, играет государство, представляемое как лицо особого рода и притом наиболее авторитетное на земле существо, обладающее “единой волей”, и т. д. Той же тенденции свести права к чужой авторитетной воле, создать для них высший наделяющий авторитет соответствует в современной юридической литературе не чуждое элемента олицетворения и антропоморфизма представление “правопорядка”, которому или “воле” которого приписывается власть наделять правами, объявлять их неприкосновенными, защищать и т. д.»²³.

Таким образом, отказывая, с одной стороны, в возможности усмотреть в качестве источника обязывания что-либо иное кроме психического переживания субъекта, а с другой — отдавая на уровне личностного существования приоритет эмоции перед личной ценностью, Л. И. Петражицкий

²¹ Петражицкий Л. И. Теория права и государства... С. 51.

²² Там же.

²³ Там же. С. 72.

действительно создает риск ценностного нивелирования права в своей теории. Хотя Е. В. Тимошина и отстаивает аксиологическую значимость психологической теории права²⁴, однако представляется, что такие выводы были сделаны лишь учениками и другими правоведами русской эмиграции в их собственных правовых концепциях (Г. Д. Гурвич, Н. Н. Алексеев и др.).

Почему же у Л. И. Петражицкого при всей доскональности анализа психических эмоциональных процессов практически не идет речь о свободе, воле, ценности? Неужели они исключены из процесса переживания, и этого не понимал сам мыслитель? Вряд ли. Дело в другом. В самом методологическом подходе правоведа, как мы уже отмечали выше, в праве нет места для личности, которая и является своего рода методологическим мостом к свободе, воле, ответственности, ценности. Именно поэтому анализ ценностного момента, а равно ключевые личностные свойства были вытеснены анализом эмоциональной среды субъекта. Концепция Л. И. Петражицкого — это не столько правовой солипсизм, сколько явный правовой *панпсихологизм*, который, в свою очередь, рождает психосоматический детерминизм человеческого поведения в сфере права и в целом поведения как такового. «Импульсии или эмоции, — говорит ученый, — играют в жизни животных и человека роль главных и руководящих психических факторов приспособления к условиям жизни; прочие односторонние элементы психической жизни играют при этом вспомогательную, подчиненную и служебную роль. В частности, именно эмоции исполняют функции побуждений к внешним телодвижениям и иным действиям (например, к умственной работе и иным так называемым внутренним действиям), вызывая непосредственно соответственные физиологические и психические процессы (импульсивные или эмоциональные действия) или соответственную волю (волевые действия)»²⁵. Отсюда становится понятным, почему в психологической теории антропологические понятия воли, свободы и др. оказались недооцененными.

На наш взгляд, личность в целом и в правовой реальности в частности есть прежде всего некоторый органически связанный со свободой, а значит, и с ценностным проявлением способ существования, который обуславливается общим строем существования человека, его «практикой себя», а также господствующей системой формирования социокультурного текста и смысла, дискурсом, что применительно к праву было подробно проанализировано И. Л. Честновым на основе концепции социального конструктивизма²⁶. Антрополого-правовая позиция относительно личности заключается в том, что личность рассматривается как понятие не формально-догматическое, а антропологическое. Формально-догматическое понятие личности избыточно и тождественно понятию субъекта права²⁷. Думается,

²⁴ Тимошина Е. В. Как возможна теория права?.. С. 254–258.

²⁵ Петражицкий Л. И. Теория права и государства... С. 23.

²⁶ Дорская А. А., Честнов И. Л. Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подходы: монография. СПб., 2010; Социокультурная антропология права: коллективная монография / под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. СПб., 2015.

²⁷ Павлов В. И. Проблемы теории государства и права. С. 137–152.

это прекрасно понимал и Л. И. Петражицкий, он сознательно пренебрег задействованием традиционного юридического понятия личности, но в качестве методологического основания использовал современную ему позитивную психологию.

Говоря о работе с операциональным языком права, его догмой применительно к учению о субъекте права, следует заметить, что петербургский правовед не осуществлял трансформацию традиционного догматического учения о субъекте права, не разрабатывал собственный аппарат психологической теории на уровне рабочего языка права. Традиционную догматику учения о субъекте права автор психологической теории просто оставил в стороне, указав на ее неполноценность²⁸. Но эта догматическая теория продолжала жить своей жизнью и, нужно сказать, является действующим юридическим средством до настоящего времени. В связи с этим возникает вопрос и о догматических возможностях психологической теории права относительно учения о субъекте права. Фактически в своей концепции правопонимания Л. И. Петражицкий указал на явные, с его точки зрения, несовершенства догматики субъекта права, однако формально новое догматическое строение в учении о субъекте права правовед не предложил.

4. Идеи Л. И. Петражицкого, несмотря на их дискуссионность, оказали огромное влияние на общетеоретическую юриспруденцию XX столетия, прежде всего в связи с актуализацией в них темы человека. Во второй половине XX в. интерес к петражицкианству дополнился и темой антропологического поворота в социогуманитарном знании, а также возникновением постклассических методологических установок в правоведении последней четверти XX столетия. Многие современные правоведы используют и интерпретируют идеи основателя психологической теории права.

Одним из продолжателей петербургской школы права является **А. В. Поляков**, автор феноменолого-коммуникативной теории права²⁹. Как неоднократно отмечал сам Андрей Васильевич, в его концепции односторонность психологизма Л. И. Петражицкого была преодолена развитием идеи правовой коммуникации между субъектами права. Именно *правовая коммуникация*, а не правовая эмоция является центральным понятием теории А. В. Полякова. Вместе с тем само ядро коммуникативной теории, связанное с пониманием механизма должностования и нормативности в праве, остается петражицкианским.

Что следует понимать под правовой коммуникацией? Она возможна при наличии трех компонентов: 1) правовых текстов (знакового выражения права); 2) субъектов права (как минимум двух); 3) их реальной деятельности. Субъекты права осуществляют интерпретацию правовых текстов и совершают юридически значимую деятельность — такова условная схема правовой коммуникации.

---

²⁸ Петражицкий Л. И. Очерки философии права // Петражицкий Л. И. Теория и политика права: избр. труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб., 2010. С. 367–379.

²⁹ Поляков А. В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: курс лекций. СПб., 2004.

Люди живут в обществе, в определенном состоянии взаимных отношений, общественных, фактических отношений, в жизненном мире. Поэтому они вынуждены соотносить свое поведение друг с другом, что и является коммуникацией. Однако такое соотношение носит в концепции А. В. Полякова прежде всего смысловой, когнитивный характер. Сами общественные отношения порождают «правовые тексты» — своеобразные институализированные знаковые, т. е. всегда проинтерпретированные сознанием субъекта формы, причем как государственные, так и негосударственные — обычаи, мифы, договоры, нормативные правовые акты, правоприменительные акты и т. д. Эти формы, получая социальное признание членов общества, *воспринимаются (интерпретируются) в сознании субъектов* как обязательные правила поведения — нормы права (точнее, дополним от себя, когнитивные нормы права)³⁰. Именно поэтому в концепции А. В. Полякова норма права не текстуальна (в традиционном значении текста), не документарна, а всегда «ментальна и интерсубъективна»³¹, она отличается от традиционно понимаемого источника права, который может и не порождать норму права в коммуникативном смысле. Соответственно, обязательность такой нормы обусловлена не социально властным принуждением, не говоря уже о принуждении государства, а социальной легитимацией, т. е. взаимным признанием членами общества такой нормы в качестве обязательной, которая может совпадать, а может и не совпадать с выражением социальной, в том числе государственной власти. Причем, обратим внимание, такое признание членами общества нормы происходит в сознании субъектов, т. е. как императивно-атрибутивное переживание.

На этом основании ученый и выделяет «официальные (государственно-конституированные) правовые отношения» и «социальные правовые отношения»³², которые, разумеется, не совпадают. Причем, исходя из такого специфического для традиционной теории права понимания нормы права, учитывая необходимость ее строгого понимания как нормы, возникающей в контексте коммуникации субъектов, можно сказать, что она фактически совпадает с коммуникативным правоотношением, по крайней мере они не существуют в отрыве друг от друга³³.

Соответственно, сама правовая коммуникация — или, что то же самое, коммуникативное правоотношение — носит нормативный характер и является источником нормативности³⁴. Поэтому под правовой нормативностью А. В. Поляков понимает не систему установленных государством общеобязательных правил поведения, образующих в традиционной теории правоотношения объективное право, а совокупность правовых текстов, получивших в обществе социальное признание и интерпретируемых в качестве сферы должного в процессе правовой коммуникации как коррелятив-

³⁰ Там же. С. 649–651.

³¹ Поляков А. В. Нормативность правовой коммуникации // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 5. С. 44.

³² Поляков А. В. Общая теория права... С. 756.

³³ Поляков А. В. Нормативность правовой коммуникации. С. 44.

³⁴ Там же.

ного соотношения прав и обязанностей³⁵. Сам автор отмечает, что «право в рамках такого подхода рассматривается как феномен, имеющий не государственную, а институциональную и intersубъективную природу»³⁶. Поэтому субъективное право в таком случае в концепции правоведа совпадает с правом объективным.

Акты признания и интерпретации субъектами правовой коммуникации фрагментов правовой реальности (текста), которые и являются источником должностования и нормативности, всегда межсубъектны и относительны «другого». Но в то же время эти акты протекают прежде всего не во внешней объективированной реальности, а в сознании субъектов данных актов. Значит, коммуникация, intersубъективность разворачивается в первую очередь хотя и в состоянии диалога, но на уровне индивидуального сознания субъекта. Иными словами, с одной стороны, в концепции А. В. Полякова субъект права — это только субъект правовой коммуникации, вне правовой коммуникации как отношения субъект права отсутствует, с другой — субъект права осуществляет личные акты сознания, признания, переживания и т. д. (именно об этом и говорил Л. И. Петражицкий).

В одной из своих последних работ А. В. Поляков, по-видимому, переосмысливает свою концепцию субъекта права³⁷. В частности, он отмечает: «Субъективное право включает в себя как процедуры “приписывания” прав и обязанностей, так и наличие текстопорождающей *воли личности человека* (курсив мой. — В. П.). Именно в этом смысле человек есть первичный субъект права»³⁸. Далее правовец отмечает: «...само существование субъекта права предполагает его организацию на двух онтологических уровнях: 1) на уровне самоорганизации и 2) на уровне организации отношений с другими субъектами. И тот, и другой уровни совершенно необходимы для того, чтобы просто быть субъектом права. На первом уровне субъект достигает самоидентичности, т. е. способности выступать в качестве единого целого и управлять собой»³⁹.

Представляется, что эта идея о двух уровнях субъекта права у А. В. Полякова (уровень личности человека и уровень субъекта коммуникации) перекликается с обоснованным нами ранее положением о *двух уровнях присутствия человека в праве*: а) на уровне правового человека, личности и б) на уровне субъекта права⁴⁰. Хотя здесь ученый и не говорит о том, что «самоорганизация» или «управление собой» фактически выходят за рамки традиционного представления о субъекте права, тем не менее они явно носят не коммуникативный, а сугубо антрополого-правовой, личностный характер. Это подтверждается и следующим высказыванием А. В. Полякова: «Человек представляет собой лицо суверенное постольку, поскольку

³⁵ Там же. С. 35.

³⁶ Там же. С. 27.

³⁷ Поляков А. В. Права человека и суверенитет государства // Постклассическая онтология права: монография / под общ. ред. И. Л. Честнова. СПб., 2016. С. 295–324.

³⁸ Там же. С. 307.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Павлов В. И. Проблемы теории государства и права. С. 63.

никто не имеет права отчуждения от него его исконных свойств, делающих его *субъектом-личностью* (курсив мой. — В. П.)⁴¹. Несложно обнаружить, что «субъект» и «личность» — понятия из разных словарей, из разных парадигм правового познания.

Развитие идей, связанных с психологической теорией права и теорией правовой коммуникации, также представлено в воззрениях другого петербургского правоведа — **Н. В. Разуваева**, в частности, в его обстоятельной статье «Право: социально-конструктивистский подход»⁴². Как свидетельствует название статьи, автор развивает идеи социального конструктивизма в праве, уже обосновывавшиеся в российском правоведении вышеупомянутым профессором И. Л. Честновым. Однако Н. В. Разуваев в своей концепции ближе подходит к теме личности в праве и собственно к антрополого-правовым идеям.

«Отправной точкой постклассического правопонимания, — отмечает правовед, — являются именно человек и его субъективные права, выступающие исходным, базовым уровнем правовой реальности»⁴³. Высказывая критические оценки в адрес А. В. Полякова в части недооценки последним антропологического момента в праве за счет гиперболизации интерсубъективной стороны права и соответствующей ей идеи правовой нормативности⁴⁴, Н. В. Разуваев полагает, что «как исторические факты, так и логическая необходимость заставляют уделять повышенное внимание именно человеческому измерению в праве, в котором и заключен источник нормативности последнего. Таким образом, задача постклассического правопонимания состоит... в том, чтобы последовательно выстроить все многообразие феноменов, образующих правовую реальность, *на этом прочном и неизменном фундаменте человеческой субъективности* с имманентно присущими ей юридическими характеристиками (курсив мой. — В. П.)»⁴⁵.

Интересно, что ученый, если мы правильно понимаем его точку зрения, в качестве первоисточника правового, главного в праве указывает не на интерсубъективность, а как раз на *правовую субъективность*, личностность, то, что мы называем правовым существованием. В частности, он отмечает, что онтологическим основанием правовой реальности «выступает человек во всей полноте его личностных характеристик. Можно также предположить, что и исторической предпосылкой появления права и его феноменов (включая и такие, как государство) является формирование человеческой субъективности, по мере выделения из окружающего ее мира осознающей себя в качестве таковой»⁴⁶.

Для понимания личности Н. В. Разуваев привлекает онтологию *Dasein* М. Хайдеггера, а также идеи экзистенциальной психологии Р. Мэя и Л. Бинс-

⁴¹ Поляков А. В. Права человека и суверенитет государства. С. 309.

⁴² Разуваев Н. В. Право: социально-конструктивистский подход // Известия вузов. Правоведение. 2015. № 5. С. 49–99.

⁴³ Там же. С. 82.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 84.

вангера, которые представляют собой развитие концепции М. Хайдеггера в психологии. В частности, петербургский правовед полагает, что *личность* следует рассматривать «как *бытие-в-мире*, т. е. как особое качественное состояние индивидуальности, выражающее интенциональную направленность последней вовне себя, ее ориентацию на реальность»⁴⁷. Для целостного представления позиции ученого относительно понимания личности приведем цитату полностью: «Именно благодаря этой направленности вовне становится возможным не только конструирование субъектом индивидуальной реальности, но и межсубъектная коммуникация, в процессе которой участниками конструируется общая для всех социальная, в том числе и правовая, реальность. Очевидно, таким образом, что экзистенциальным фундаментом личности всякого человека выступает индивидуальность, представляющая собой осознаваемую им *самость*, обособленность от внешнего мира и других людей, воспринимаемых индивидом (хотя бы и с внешней стороны) именно в качестве Других, отличных от него самого и обладающих своими особенностями, чертами характера и т. д. Эта глубокая укорененность личности в индивидуальности, в свою очередь, обуславливает и личностное своеобразие человека, так что в конечном счете личность при всей ее трансцендированности может рассматриваться в качестве концентрированного выражения этого своеобразия, что, впрочем, не отрицает присущих ей типических черт. Таким образом, необходимым условием конструирования правовой реальности выступает человеческая субъективность, представляющая собой неразрывное единство индивидуальности и личности, юридическими коррелятами которых являются соответственно право- и дееспособность»⁴⁸.

В данном подходе к личности обращают на себя внимание несколько моментов.

Во-первых, Н. В. Разуваев для характеристики личности использует специальное понятие-экзистенциал М. Хайдеггера «*бытие-в-мире*», которое, видимо, выполняет роль концептуальной поддержки и объяснения интересующей направленности личности. Однако почему в таком случае не указать в качестве основы личности собственно *Dasein*, что, на наш взгляд, было бы более верным? Ведь у М. Хайдеггера экзистенциал «*бытие-в-мире*», как и иные экзистенциалы, предназначен для характеристики бытийного определения *Dasein*, которое является первичной данностью реальности⁴⁹. Кроме того, очевидно, что сама по себе проблема перевода экзистенциалов в общетеоретические юридические понятия не то чтобы не решена, она еще даже не поставлена. В качестве концептуального юридического понятия, видимо, использовать экзистенциал можно, а вот применительно к практико-ориентированным понятиям, призванным объяснить конкретные антропологические свойства, проявления (воля, свобода и т. д.), таким как личность в праве, скорее всего, непродуктивно.

⁴⁷ Там же. С. 85–86.

⁴⁸ Там же. С. 86.

⁴⁹ Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. 2-е изд., испр. СПб., 2002. С. 52–54.

Во-вторых, личность при таком подходе оказывается «укорененной в индивидуальности», что обуславливает личностное своеобразие человека. Сама же индивидуальность есть «осознанное либо неосознанное восприятие субъектом самого себя в качестве “чистого Я”, отдельного существа, обособленного от мира объектов и других субъектов»⁵⁰.

В-третьих, человеческая субъективность у Н. В. Разуваева, таким образом, представляет собой единство индивидуальности и личности, юридическими коррелятами которых являются соответственно право и дееспособность.

Сформулированное ученым положение о соответствии индивидуальности и личности понятиям правоспособности и дееспособности является интересным, однако дискуссионным. По сути, понятия индивидуальности и личности здесь юридизируются и сливаются в традиционное понятие обычного субъекта права/правоотношения.

Петербургский правовед также рассматривает понятие ценности в праве, которое он помещает на уровень не нормативной (в традиционном общетеоретическом значении), а антропологической правовой реальности. Ценности в концепции Н. В. Разуваева суть «создаваемые индивидуальным сознанием субъективные смыслы, которые — через особую процедуру усмотрения — привносятся им в правовую реальность и соотнесение с которыми придает феноменам этой реальности именно юридический, а не моральный, религиозный, эстетический либо какой-то иной характер. Учитывая, что данный вид правовой реальности имеет своим центром отдельного человека, становится очевидным, что важнейшей ценностью здесь является свобода лица как сущностная характеристика последнего и стержень любых субъективных прав»⁵¹. Здесь снова проявляется мотив юридизации понятия личности, а за ним и правовой ценности, поскольку именно через ценность как процесс смысловой оценки, по мнению Н. В. Разуваева, и происходит наделение тех или иных элементов реальности юридическим значением в их отделении от любых других значений (нравственных, религиозных и т. д.). Данное положение представляется проблематичным, поскольку практически невозможно в сознании дифференцировать осмысление реальности сугубо юридически, мысленно отсеять все неюридическое в процессе смыслообразования. Это можно сделать только задним числом и сугубо аналитически, но не в правовой действительности, в реальной жизни. Л. И. Петражицкому такая дифференциация удавалась за счет отсутствия понятия личности, в обсуждаемой же концепции личность представляется не в юридической, а в антропологической, можно даже сказать, бытийной модальности.

Вместе с тем Н. В. Разуваеву удалось достаточно удачно согласовать антропологические понятия личности, личностной ценности с идеей интерсубъективности в праве, причем включить в свою систему и личностные ценности.

⁵⁰ Разуваев Н. В. Право: социально-конструктивистский подход. С. 98.

⁵¹ Там же. С. 90–91.

Закключение. Таким образом, антрополого-правовой потенциал психологической теории права, несмотря на то что в течение столетия в ее рамках не было разработано рабочего языка права, достаточно велик. Как показал анализ отдельных правовых концепций, развивающих те или иные аспекты учения Л. И. Петражицкого сегодня, в этой исследовательской линии вырабатываются достаточно интересные антрополого-правовые идеи. Полагаем, что самой интересной среди них является тема личности в праве, которая всегда сопровождала русскую гуманитарную исследовательскую традицию.

Литература

Дорская А. А., Честнов И. Л. Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подходы: монография. СПб.: Астерион, 2010. 306 с.

Козлихин И. Ю., Поляков А. В., Тимошина Е. В. История политических и правовых учений: учебник. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2007. 856 с.

Павлов В. И. К вопросу об антропологическом типе правовопонимания // Известия вузов. Правоведение. 2015. № 4. С. 71–97.

Павлов В. И. Аналитический словарь основных терминов и понятий антропологической концепции права // Павлов В. И. Проблемы теории государства и права: учебное пособие. Минск: Академия МВД, 2017. С. 243–263.

Павлов В. И. Антропологическая концепция права // Постклассическая онтология права: монография / под общ. ред. И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. С. 325–376.

Павлов В. И. Проблемы теории государства и права: учеб. пособие. Минск: Академия МВД, 2017. 262, [2] с.

Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Сер. «Мир культуры, истории и философии». СПб.: Лань, 2000. 608 с.

Петражицкий Л. И. Очерки философии права // Петражицкий Л. И. Теория и политика права: избр. труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб.: Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2010. С. 245–379.

Поляков А. В. Нормативность правовой коммуникации // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 5. С. 27–45.

Поляков А. В. Права человека и суверенитет государства // Постклассическая онтология права: монография / под общ. ред. И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. С. 295–324.

Поляков А. В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: курс лекций. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 864 с.

Постклассическая онтология права: монография / под общ. ред. И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. 688 с.

Разуваев Н. В. Право: социально-конструктивистский подход // Известия вузов. Правоведение. 2015. № 5. С. 49–99.

Социокультурная антропология права: коллективная монография / под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 840 с.

Тимошина Е. В. Как возможна теория права? Эпистемологические основания теории права в интерпретации Л. И. Петражицкого: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 296 с.

Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. 2-е изд., испр. СПб.: Наука, 2002. 451 с.

Этические и антропологические характеристики современного права в ситуации методологического плюрализма: сб. науч. трудов / под общ. ред. В. И. Павлова, А. Л. Савенка. Минск: Академия МВД, 2015. 243 с.

References

Dorskaya A. A., Chestnov I. L. *Evolutsiia sistemy prava Rossii: teoreticheskii i istoriko-pravovoi podkhody: monografiia* [Evolution of system of the law of Russia: theoretical and historical and legal approaches: monograph]. St. Petersburg, Asterion Publ., 2010. 306 p. (In Russian)

Kozlikhin I. Yu., Polyakov A. V., Timoshina E. V. *Istoriia politicheskikh i pravovykh uchenii: uchebnyk* [History of political and legal doctrines]. St. Petersburg, Publishing house of St. Petersburg State University, Publishing house of law department of St. Petersburg State University, 2007. 856 p. (In Russian)

Pavlov V. I. K voprosu ob antropologicheskom tipe pravoponimaniia [To a question of anthropological type of law understanding]. *Izvestiia vuzov. Pravovedenie*, 2015, no. 4, pp. 71–97. (In Russian)

Pavlov V. I. [Analytical dictionary of the main terms and concepts of the anthropological concept of the law]. Pavlov V. I. *Problemy teorii gosudarstva i prava: uchebnoe posobie* [Problems of the theory of the state and law]. Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs Publ., 2017, pp. 243–263. (In Russian)

Pavlov V. I. [The anthropological concept of the law]. *Postklassicheskaiia ontologiia prava: monografiia* [The post-classical ontology of the law]. Ed. by I. L. Chestnov. St. Petersburg, Aletejia Publ., 2016, pp. 325–376. (In Russian)

Pavlov V. I. *Problemy teorii gosudarstva i prava: ucheb. posobie* [Problems of the theory of the state and law]. Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs Publ., 2017. 262, [2] p. (In Russian)

Petrażycki L. I. *Teoriia prava i gosudarstva v sviazi s teoriei npravstvennosti*. Ser. «Mir kul' tury, istorii i filosofii» [The theory of the law and the state in connection with the theory of morality]. St. Petersburg, Lan' Publ., 2000. 608 p. (In Russian)

Petrażycki L. I. [Legal philosophy sketches]. Petrażycki L. *Teoriia i politika prava: izbr. trudy* [The theory and policy of the law]. Ed. by E. V. Timoshina. St. Petersburg, University publishing consortium «Legal Book», 2010, pp. 245–379. (In Russian)

Polyakov A. V. Normativnost' pravovoi kommunikatsii [Normativity of legal communication]. *Izvestiia vuzov. Pravovedenie*, 2011, no. 5, pp. 27–45. (In Russian)

Polyakov A. V. [Human rights and sovereignty of the state]. *Postklassicheskaiia ontologiia prava: monografiia* [The post-classical ontology of the law]. Ed. by I. L. Chestnov. St. Petersburg, Aletejia Publ., 2016, pp. 295–324. (In Russian)

Polyakov A. V. *Obshchaia teoriia prava: Problemy interpretatsii v kontekste kommunikativnogo podkhoda: kurs lektsii* [The general theory of the law: Interpretation problems in the context of communicative approach]. St. Petersburg, Publishing house of St. Petersburg State University, 2004. 864 p. (In Russian)

Postklassicheskaiia ontologiia prava: monografiia [The post-classical ontology of the law]. Ed. by I. L. Chestnov. St. Petersburg, Aletejia Publ., 2016. 688 p. (In Russian)

Razuvaev N. Pravo: sotsial' no-konstruktivistskii podkhod [Law: social and constructivist approach]. *Izvestiia vuzov. Pravovedenie*, 2015, no. 5, pp. 49–99. (In Russian)

Sotsiokul'turnaia antropologiya prava: kollektivnaia monografiia [The sociocultural anthropology of the law]. Eds. N. A. Isaev, I. L. Chestnov. St. Petersburg, Alef-Press Publ., 2015. 840 p. (In Russian)

Timoshina E. *Kak vozmozhna teoriia prava? Epistemologicheskie osnovaniia teorii prava v interpretatsii L. I. Petrazhitskogo: monografiia* [How the theory of the law is possible? The epistemological bases of the theory of the law in L. Petrazhycki's interpretation: monograph]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 296 p. (In Russian)

Heidegger M. *Bytie i vremia* [Being and time]. Transl. by V. V. Bibikhin. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002. 451 p. (In Russian)

Eticheskie i antropologicheskie kharakteristiki sovremennogo prava v situatsii metodologicheskogo pliuralizma: sb. nauch. trudov [Ethical and anthropological characteristics of the modern of the law in a situation of methodological pluralism]. Ed. by V. I. Pavlov, A. L. Savenok. Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs Publ., 2015. 243 p. (In Russian)